

Цзи Саньмэй не ощущал особого разочарования. Два континента, Юньян и Чжуинь, разделённые морем, связывал лишь один город — Линтин, служивший единственной сухопутной переправой между ними. Общение и так было затруднено, а в последних воспоминаниях Цзи Саньмэя на границе Чжуинь и Юньян уже вспыхивали стычки, и война бушевала повсюду.

После своего возрождения он узнал, что в той давней войне Юньян, изначально имевший преимущество, внезапно потерпел сокрушительное поражение, потеряв семь-восемь из десяти своих лучших заклинателей. Однако армия Чжуинь не стала преследовать отступающих. Обе стороны, словно два гигантских зверя, после ожесточённой схватки молча отступили на свои территории, чтобы зализывать раны.

После кровопролитной битвы при Линтине между Юньян и Чжуинь возникла вражда, и неудивительно, что переписка между ними стала редкой.

Теперь, когда старый знакомый явился без приглашения, Цзи Саньмэй испытывал несказанную радость, хотя внешне сохранял спокойствие:

— Дядя, ваша фамилия Шэнь?

Мастер Шэнь кратко представился:

— Шэнь Фаши.

— Прекрасное имя. «Не кичись, не хвались, сердце — не камень».

Шэнь Фаши уже собирался повернуться, но, услышав эти слова, заметно замер.

«...Не кичись, не хвались, сердце — не камень», — когда-то юный Цзи Саньмэй ткнул пальцем в грудь Шэнь Фаши, затем приложил ухо и слушал его сердцебиение. *«Имя хорошее, но вот соответствует ли оно стихам: „Моё сердце не камень, его не сдвинуть“?»*

Очнувшись от воспоминаний, Шэнь Фаши спокойно посмотрел на Цзи Саньмэя. Его взгляд был подобен бездонной, неподвижной пучине:

— ...Ты умеешь читать?

Цзи Саньмэй с достоинством кивнул:

— Отец с детства учил меня грамоте.

Не дожидаясь реакции Шэнь Фаши, Цзи Саньмэй перевёл взгляд на хозяина невольничьего рынка.

Начитанный Цзи Саньмэй заявил:

— Хозяин, мастер Шэнь, избавив нас от нечисти, оказал вам огромную услугу.

Перепуганный хозяин рынка, едва сдерживая слёзы, вытирал пот. Если в его товарах завелись демоны, и знатные господа из страха перестанут посещать его лавку, он лишится клиентов.

Если бы Шэнь Фаши и его люди не вмешались, ничего бы этого не случилось.

Но даже будь у него десять тысяч жизней, он не посмел бы обвинить Шэнь Фаши в лицо,

поэтому лишь беспомощно пробормотал:

— Да, да...

В глазах Цзи Саньмэя мелькнул лукавый блеск:

— ...Так зачем же вы требуете с мастера Шэнь десять тысяч лян серебра за его труды?

Пот с лба хозяина стекал до самого подбородка:

— Не смею, не смею.

Цзи Саньмэй, держа в руках монашескую рясу, с обволакивающей улыбкой мягко намекнул:

— Если демоны овладеют рабами на вашем заднем дворе, кто их станет покупать? Кто знает, может, и вы сами окажетесь в опасности.

Пот на хозяине не успел высохнуть, как его снова обдало холодным потом. Крупная капля грязного пота долго висела на подбородке, прежде чем сорваться вниз, разбрызгав круглую лужу.

— Почему бы не передать этих рабов мастеру Шэнь, чтобы он провёл обряд? Это и зло изгонит, и вашу удачу защитит, и процветание принесёт. Ведь в бизнесе главное не деньги, а спокойствие и благополучие, верно?

Пока Цзи Саньмэй красноречиво убеждал хозяина, Шэнь Фаши молча наблюдал за его губами, погружённый в раздумья.

Хозяин, переживший за ночь немало потрясений и поддавшись уговорам Цзи Саньмэя, тут же увидел в Шэнь Фаши своего спасителя и с надеждой взмолился:

— Мастер Шэнь...

Заметив взгляд Шэнь Фаши, Цзи Саньмэй не только не смутился, но и едва заметно улыбнулся, обнажив маленький белый клык.

Шэнь Фаши отвел взгляд и обратился к хозяину, с которого градом лился пот:

— ...Хозяин Лу, вы знаете мои расценки.

Хозяин Лу сглотнул, издав громкий звук.

— ...Могли бы вы сделать скидку? Говорят, чтобы вызвать вас для борьбы с демонами, нужно как минимум пять тысяч лян серебра...

Шэнь Фаши кивнул:

— Верно. Этот мэй уже навел ужас в Цзиньпине, убив боковую ветвь знатной семьи. Глава рода, опасаясь, что та нападёт снова, пригласил меня для её уничтожения. Я проследовал за ней до самого города Юньян. Три дня назад глава семьи внёс пять тысяч лян серебра в храм Цзюэми, и лишь тогда я согласился помочь.

Лицо хозяина Лу стало ещё более напряжённым:

— Мастер Шэнь, вы же монах... В десяти заповедях есть пункт о том, что нельзя накапливать золото и серебро...

Шэнь Фаши оставался невозмутимым:

— Я отрёкся от даосского пути и стал мирянином. Мне надлежит соблюдать лишь три обета: не воровать, не лгать и не украшать себя. Остальные заповеди я не обязан соблюдать.

Хозяин Лу побледнел, но привычка торговаться взяла верх:

— Мастер Шэнь, видите ли, у меня сейчас нет таких денег...

Шэнь Фаши ответил:

— Если нет денег, подойдёт земля или лавка.

Хозяин Лу: ...

Цзи Саньмэй едва сдержал смех.

Не ожидал, что такой серьёзный человек, как Шэнь Фаши, став монахом, окажется сребролюбцем.

Однако Шэнь Фаши был человеком честным. Заметив, что хозяин Лу вот-вот заплачет, он спокойно напомнил:

— Мой гонорар за поимку демона — пять тысяч лян. Но мои подчинённые берут три тысячи и тысячу лян соответственно. Вы можете выбрать.

...Поимка демона с разделением стоимости. Замечательно.

Пока хозяин Лу размышлял о цене, Шэнь Фаши посмотрел на Цзи Саньмэя:

— Пойдём со мной.

Цзи Саньмэй старался скрыть восхищение в глазах:

— ...Подождите, мне нужно кое-что собрать.

Шэнь Фаши предполагал, что маленький раб, находящийся в неволе, должен быть гол и ничего не иметь. Но это мнение развеялось, когда он последовал за Цзи Саньмэем в его жилище на заднем дворе.

Хозяин рынка вытаращил глаза, наблюдая, как Цзи Саньмэй с лёгкостью снимает кирпичи со стены и достаёт из тайника различные вещи.

...Веер из бамбуковых полосок, бутылка жёлтого вина, письменные принадлежности, табачный кисет, фарфоровые чашки, иголки с нитками, игральные кости — всё, что угодно.

Некоторые вещи были сломаны, но Цзи Саньмэй не хотел их выбрасывать. Даже скорлупки от арбузных семечек он аккуратно нанизал на нитку и хранил в углу тайника.

Цзи Саньмэй по одной доставал свои сокровища, приводя хозяина в замешательство. Шэнь Фаши, наблюдавший за этим, нахмурился:

— Ты что, белка?

Цзи Саньмэй притворился, что не слышит, и продолжил своё дело.

Но внутри он уже трепетал от восторга перед тонким чувством юмора своего мужчины.

Однако Шэнь Фаши был озабочен другим.

Он внимательно следил за действиями Цзи Саньмэя и прямо спросил:

— Ты знаком с системой восьми триграмм?

Кирпичи на стене были расположены в строгом соответствии с даосской системой восьми триграмм (багуа). Такое расположение гарантировало, что без разрушения стены никто посторонний не сможет украсть его сокровища.

Шэнь Фаши задал вопрос внезапно, желая проверить реакцию Цзи Саньмэя. Но тот, не останавливаясь, сунул руку в стену, вытащил что-то и бросил себе в объятия:

— ...Я научился из этой книги.

Это была книга по багуа, найденная в какой-то старой куче бумаг. Открыв её, Шэнь Фаши увидел сложные символы, способные ввести в ступор даже знающего человека.

Шэнь Фаши пролистал пару страниц и закрыл книгу, сомневаясь:

— Ты понимаешь это?

Цзи Саньмэй, стоя спиной, ответил:

— Я умею читать.

Эта ложь была настолько небрежной, что даже Шэнь Фаши почувствовал её фальшь.

Цзи Саньмэй всегда был таким. Если он решал скрыть свою истинную личность от Шэнь Фаши, то делал это безупречно, полностью превращаясь в другого человека. Однако он должен был признать, что перед Шэнь Фаши он не мог этого сделать. Лучше было вести себя естественно, чтобы жить свободно, не сдерживая себя с детства.

Если Шэнь Фаши начнёт сомневаться, пусть сомневается. Встретим проблему, когда она возникнет. Лучше рассказать ему правду, когда вырасту.

На самом деле, он даже с нетерпением ждал, когда Шэнь Фаши сорвёт с него маску.

<http://bllate.org/book/16281/1466091>